

Е.Г.Балашова

ДЕЛО АРХИМАНДРИТА ВАРФОЛОМЕЯ (РЕМОВА) 1920 ГОДА — СВИДЕТЕЛЬСТВО ПОДДЕРЖКИ ДУХОВЕНСТВОМ СЯТИТЕЛЯ ТИХОНА (К 100-ЛЕТИЮ ДЕКРЕТА ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА)

В первые годы проведения кампании по вскрытию мощей (1919—1920 гг.) власти искали повод для ареста Патриарха Московского и всея России Тихона. Одним из арестованных в связи со вскрытием мощей преподобного Сергия Радонежского был иеромонах Варфоломей (Ремов) (будущий архиепископ). В ходе допросов в сентябре 1920 г. от него пытались добиться показаний против Святейшего Патриарха, однако отец Варфоломей открыто заявил о своей верности и сыновней любви к Предстоятелю Русской Церкви. Его следственное дело 1920 года дает обильный материал исследователям как для характеристики личности самого арестованного, так и для понимания исторического контекста в целом.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, гонения на Церковь, вскрытие мощей, святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, исповедник, архиепископ Варфоломей (Ремов), исповедничество

Декрет Совета Народных Комиссаров об отделении Церкви от государства вступил в силу в январе 1918 года, а 1 февраля¹ 1919 года Наркомат юстиции издал постановление об организованном вскрытии мощей специальными комиссиями.

Одной из задач, которую преследовали власти при проведении этой кампании, очевидно, было использовать противодействие Церкви вскрытию мощей для ареста Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона. Эта статья посвящена одному небольшому примеру, который является свидетельством сыновней любви и верности духовенства своему Патриарху.

В начале 1919 года в местной газете Сергиева Посада стали появляться статьи о возможности вскрытия мощей преподобного Сергия Радонежского. 2 апреля Святейший Патриарх Тихон обратился к председателю Совета Народных Комиссаров: «Вскрытие мощей нас обязывает встать на защиту поругаемой святыни и отечески вещать народу: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» [1].

За несколько дней до этого, 22 марта, на Всенощном бдении в канун Крестопоклонной Недели благочинный Покровского храма при Московской духовной академии, располагавшейся в Лавре, профессор академии иеромонах Варфоломей (Ремов)² произнес при большом стечении народа проповедь, которая позже стала поводом для его первого ареста. Очевидец тех событий писал: «22 марта в местной академической церкви иеромонах Варфоломей произнес проповедь о возможности вскрытия чудесных и многоцелебных мощей Сергия и вместе с тем призывал молящихся подписываться под протестом против самой возможности вскрытия мощей. На другой день, 23-го марта, во время утренней службы, тем же иеромонахом была произнесена погромная проповедь, в которой заявлялось о появлении в России “антихриста”... Проповедник не забыл упомянуть, что “Христа сейчас в России распинают вторично”, и призывал всех граждан от мала до велика встать на активную защиту поруганной православной веры...» [2].

Богослужение закончилось, но люди, встревоженные возможностью вскрытия мощей Преподобного, заставили бывших в то время в Лавре реставраторов, что-то менявших в одном из колодцев обители, прекратить работы и покинуть монастырь. Позже на допросах отец Варфоломей утверждал: «Чистосердечно говорю, что об инциденте с колодцем, заключающемся в насильственном прекращении реставрационных работ толпою, я узнал *post factum* и этому не сочувствую» [3, л. 6], с. «Моя проповедь 22 III 1919 имела задачей религиозную цель и совесть моя спокойна» [3, л. 7об]. Но, несмотря на это, отец Варфоломей в секретной записке Ликвидационного отдела Наркомюста РСФСР в Секретно-Оперативный Отдел В.Ч.К. был назван «опасным врагом трудящихся», а произнесенная им проповедь была поставлена ему в вину.

«Полагаю целесообразным, — писал один из следователей, Михаил Галкин, — содержание гр. Ремова, как опасного монархиста и врага трудящихся в концентрационном лагере... по крайней мере, до предложенной местным исполкомом ликвидации костей Сергия Радонежского, в смысле помещения их в один из московских музеев» [3, л. 33]. Через два дня большая часть этого документа ложится в основание «Заключения Уполномоченного УП Отделения СОВЧК тов. Шпицберга по делу об архимандрите Варфоломее (Николае Федоровиче Ремове)» [3, л. 4], которое завершается словами: «...полагал бы целесообразным в интересах

¹ Все даты после 1918 года приведены по новому стилю.

² С 1921 г. — епископ Сергиевский, с 1925 г. из-за болезней — на покое, с 1934 г. — архиепископ. 10.07.1935 расстрелян. Подробнее об архиепископе Варфоломее (Ремове) см: 1) Балашова Е.Г. Архиепископ Варфоломей (Ремов) и его просветительская и педагогическая деятельность в 1920—1930-х годах // Вестн. Новг. гос. ун-та. Гуманитарные науки: Материалы XVI Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). 2017. № 2 (100). С. 47-51. 2) Балашова Е.Г. Новые сведения о пострадавших в годы гонений на Церковь в СССР в 1920—1930-е гг. (по материалам Высоко-Петровского монастыря г. Москвы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 414-428.

охраны пролетарской Революции³ гр. Ремова заключить в концентрационный лагерь на 3 года» [3, л. 4об]. В тот же день на этом заключении появляется резолюция: «...заключить в концентрац. лагерь на десять лет. Содержать в Архангельском лагере» [3, л. 4об]. Даже для здорового человека этот приговор был, по сути, смертным, поскольку, как писал русский историк Сергей Петрович Мильгунов, «этого лагеря просто-напросто не было до мая 1921 г. И в верстах 10-ти от Холмогор прибывших расстреливали десятками и сотнями» [4]. Что же касается архимандрита Варфоломея, то состояние его здоровья было настолько подорвано тюремным заключением, что позже из тюрьмы его вынесли буквально на носилках.

Из приведенной выше записки Галкина ясно, что помещение в музей вскрытых 11 апреля 1919 года мощей преподобного Сергия властями приравнялось к их ликвидации, т.е. уничтожению. Вопрос о недопустимости этого неоднократно поднимался Святейшим Патриархом Тихоном, в том числе в обращениях от 10 мая 1920 [5, с. 164-165] и в Послании от 10 сентября 1920, в котором приводится и решение Совета Народных Комиссаров «...закончить ликвидацию мощей Сергия Радонежского, т.е. привести в исполнение постановление Московского губисполкома... о перевозке мощей из Троице-Сергиевой Лавры в один из московских музеев» [5, с. 168].

Таким же образом нередко поступали и с другими мощами. Так, после устроенного властями в июле 1920 года «процесса виленских угодников», их мощи были перенесены в московский музей атеистической пропаганды. К 29 июля относятся два документа, касающиеся вскрытия мощей — «Предложения Наркомата юстиции о ликвидации мощей во всероссийском масштабе» [6] (в этом документе упоминается, что к этому времени было вскрыто уже 58 мощей) и Постановление СНК РСФСР об утверждении этих предложений [7]. Интересно письмо, написанное Патриархом председателю ВЦИК М.И.Калинину, очевидно, вскоре после «процесса виленских угодников» (письмо не датировано): «Исходя из присущего будто бы всем Мощам признака нетления, VIII Отдел Народного Комиссариата Юстиции в лице бывшего Петроградского священника Спас-Котловской церкви Галкина и бывшего ходатая по бракоразводным делам Шпицберга, занялся ревизованием мощей Православной Русской Церкви, вскрывая раки и гробницы с останками признанных Церковью святых» [5, с. 170]. Патриарх обращает внимание на то, что «образ действий Галкина и Шпицберга не соответствует провозглашенной Советской Властью системе Церковно-Государственных отношений на базисе полного отделения Церкви от государства. <...> Галкин и Шпицберг явно увлекают РСФСР на тернистый путь гонения религий со стороны государства и стеснения свободы совести» [5, с. 171]. И далее Патриарх пишет, что, несмотря на то, что он был вызван на заседание суда как свидетель, Шпицберг фактически спровоцировал начало судебного расследования против него: «Вместо показания по разбираемому делу, [он] выступил против Меня с публичным обвинением в спекуляции свечами в Иверской часовне... в результате этого судебного разбирательства Я оказался обвиненным в приписываемых Мне Шпицбергом преступлениях, и против Меня было решено начать судебное расследование» [5, с. 171].

Надо заметить, что методы, которые использовали в своей работе Галкин и Шпицберг, не одобрялись даже некоторыми сотрудниками ВЧК. Так, основатель Исполнительного комитета по делам духовенства всея России (Исполкомдух) секретный сотрудник Президиума ВЧК Алексей Филиппов, чьей задачей было «добиться признания духовенством ("не Церковью, а... именно духовенством как классом граждан советских...") новой власти в качестве единственной реальной политической силы в стране» [8, с. 14], упоминая Шпицберга и Галкина, указывал на то, что «руководство VIII отдела провоцирует взрыв народного негодования на религиозной почве» [8, с. 17]. В сентябре 1920 г. Исполкомдух был ликвидирован, а сам Филиппов 13 сентября арестован.

Именно в сентябре активизируется работа VIII отдела Наркомюста по поиску свидетельств против Патриарха Тихона. 6 сентября 1920 г. был арестован архимандрит Варфоломей (Ремов). Он был подвергнут единственному допросу — 9 сентября 1920 г. В отличие от протоколов более поздних лет, здесь не указываются вопросы следователя, но они легко «прочитываются» за ответами подследственного, написанными единым блоком на четырех страницах. Допрашивали его лично уже упомянутые выше Святейшим Патриархом Тихоном следователь-«эксперт» VIII отдела Наркомюста Михаил Галкин и начальник VII отделения секретного отдела ВЧК Иван Шпицберг.

Очевидно, первым вопросом стало обвинение в дезертирстве, поскольку показания начинаются словами: «Могу показать, что я освобожден от воинской повинности, на основании того, [что] я профессор высшего учебного заведения <...> я не пошел бы на военную службу вообще, по религиозным убеждениям и даже под угрозой расстрела» [3, л. 6]. «Освобождавшийся от воинской повинности и ранее, я всегда категорически высказывался против войны и военной службы, как не совместимой с моими христианскими убеждениями и мировоззрением. Христова истина, как я ее понимаю и воспринимаю, для меня дороже жизни (*подчеркнуто в документе — Б.Е.*)» [3, л. 7]. О том же он пишет и в дополнительных показаниях 14 сентября: «Война и служение ей противны совести моей, и я предпочту умереть, но убивать людей или служить их убийству не буду. Ранее этот вопрос для меня не поднимался, как профессора Академии мы были свободны от воинской повинности» [3, л. 15].

³ Здесь и далее при цитировании сохраняется орфография источника, включая воспроизведение зачеркнутых и исправленных слов, а также дореволюционной орфографии.

Обращу внимание на то, что отца Варфоломея очевидно нельзя назвать трусом, т.е. человеком, который хочет избежать воинской службы из страха за свою жизнь. Он неоднократно подчеркивает: «Христова истина... для меня дороже жизни»...

И вот, наконец, ответы на вопросы, касающиеся Патриарха. Первый из них — о т. н. Послании с анафемой — Послании Святейшего Патриарха Тихона от 19 января (1 февраля по н.ст.) 1918 г. [9]. «Послание с анафемой на большевиком (так записано следователем — Б.Е.) было прочитано в академической церкви о. Вассианом по газетной вырезке» [3, л. 15]. Уточняя этот момент в конце допроса, отец Варфоломей пишет: «Послание с анафемой читалось, как и везде» [3, л. 15], подчеркивая таким образом послушание духовенства своему Патриарху. В ответе на другой вопрос отец Варфоломей ясно высказывается в поддержку Патриарха Тихона: «Если верно, что патриарх Тихон получил в 1919 году на свою долю от продажи свечей около 600 000 р. и за молебны около 1/2 миллиона р. — то я думаю, что он их истратил на церковные нужды. Если же их истратил на нужды свои и своей прислуги, — то я отказываюсь судить патриарха, ибо я его послушник. Я в это не верю и полагаю, что получать такие сборы патриарх не способен» [3, л. 60б, 7]. В тот же день в дополнительных показаниях: «Патриарха Тихона что как отца и судить его действий не буду» [3, л. 70б].

На момент ареста отцу Варфоломею было 32 года, его религиозные и общественные взгляды были вполне сложившимися, убеждения и жизненная позиция — сформированными, что подтверждается тем, что и в дальнейшем, уже будучи архипастырем, владыка остается верен своим принципам. Власть искала пути к обвинению Патриарха Тихона, в том числе в присвоении крупных денежных сумм, полученных из церковных доходов, с. вероятно, Галкин и Шпицберг ожидали, что архимандрит Варфоломей, который был вызван в ВЧК как свидетель, даст показания именно по этому делу, однако показаний, которые могли бы послужить к обвинению Патриарха Тихона, он не дал.

После допроса 9 сентября и показаний от 14 сентября отца Варфоломея на несколько месяцев просто запирают в Бутырской тюрьме. Однако близкие ходатайствовали о его освобождении, ссылаясь, в том числе, на состояние его здоровья. Одно из писем [3, л. 34] дошло до Дзержинского в январе 1921 г. Шпицберг был вынужден направить заключенного священника на медицинское освидетельствование.

Сам же отец Варфоломей, получив официальную копию медицинского свидетельства, 19 января направляет ее следователю Галкину с заявлением, в котором пишет: «Прошу обратить внимание на то, что и во время единственного мне допроса 9 сент. 1920 года я с трудом говорил от боли физической — организм мой потрясен, здоровье расшатано теперь совсем. <...> Я до сих пор не знаю, куда, за что и на какой срок наказываюсь. Я не хочу входить в какие бы то ни было рассуждения по этому обстоятельству. Я принципиально не протестую ни против чего, а только очень прошу тех, от кого это зависит, из чувства сожаления дать мне возможность недолгое время остатка моей жизни провести не в разрушительных условиях тюремного существования. Их (эти годы) я хотел бы провести в работе, направленной к помощи страданиям людей...» [3, л. 37, 370б].

1 февраля было проведено медицинское освидетельствование заключенного, где были подтверждены различные болезни, сильное общее истощение, невозможность самостоятельно передвигаться. Но только после повторного освидетельствования, проведенного почти через месяц, и заключения врачей, что «дальнейшей тюремное заключение вызовет более активное течение туберкулезного процесса и этим, роковым образом, может повлиять на исход болезни» [3, л. 47], на заседании президиума ВЧК было решено «РЕМОВА из под стражи освободить, заменив назначенный ему пятилетний срок заключения в конц. лагере таковым же наказанием условно. Отобрать от Ремова подписку о прекращении им в дальнейшем разлагающей к.-р. агитац[ии] под религиозным флагом» (протокол от 28 февраля 1921) [3, л. 1].

10 августа 1921 г. Патриарх Тихон совершил хиротонию архимандрита Варфоломея во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. По воспоминаниям современников, Святейший Патриарх при вручении владыке Варфоломею архиерейского жезла сказал: «Тебе Господь дал женское сердце. Сердце женское умеет сострадать, быть милостивым и брать на себя чужое горе... Твой путь — нести скорби народа Божия» [10].

Еще 14 лет владыка нес свое служение, оставаясь верным заветам Святейшего Патриарха. 10 июля 1935 года он был расстрелян.

1. Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви: 1917—1997 // История Русской Церкви: В 9 т. Т. 9. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1997. С. 67.
2. Горев Михаил. На «вскрытии» (впечатления очевидца) [Электр. ресурс] // Революция и церковь, ежемесячный журнал, издание Комиссариата юстиции. 1919. № 6-8 (июнь-август). С. 50. URL: http://www.odinblago.ru/revolucia_i_cerkov_6-8/7 (дата обращения: 27.02.2019).
3. Центральный архив ФСБ. Следственное дело Р-28266 по обвинению Ремова Николая Федоровича (в монашестве Варфоломея) (6.09.1920—28.02.1921). Лл. 1, 4, 40б, 6, 60б, 7, 70б, 33, 34, 37, 370б, 47.
4. Мельгунов С.П. Красный террор в России, 1918—1923. М.: Р.С., 1990. С. 61.
5. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917—1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е.Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994. С. 164-171.
6. Предложения Наркомата юстиции о ликвидации мощей во всероссийском масштабе // ГАРФ СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 73. Л. 84. Цит. по: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы. М.: Издательство Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. С. 60.

7. Постановление СНК РСФСР от 29 июля 1920 г. // ГАРФ СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 73. Л. 83. Цит. по: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 60.
8. Макаров Ю.Н. Власть, ВЧК и Русская православная церковь в первые годы советской власти // История и историки в контексте времени. 2003. № 1. С. 14-17.
9. Послание Святейшего Тихона, Патриарха всея России // Журнал «Богословский Вестник», издаваемый Московскою Духовною Академиею. Сергиев Посад: Типография И.И.Иванова, 1918. Т. I. Январь-Февраль. С. 74-76.
10. Варфоломей (Ремов), архиепископ. «Мы владеем всерадостной тайной» / Подготовка текста, публикация, вступительная статья и примечания А.Л.Беглова // Альфа и Омега. 2000. № 1(23). С. 89.

References

1. Tsylin Vladislav, prot. Istoriya Russkoy Tserkvi: 1917—1997 [History of the Russian Church: 1917—1997]. Istoriya Russkoy Tserkvi in 9 vols, vol. 9. Moscow, 1997, p. 67.
2. Gorev Mikhail. Na "vskrytii" (vpechatleniya ochevidtsa) [At the opening of relics (impressions of a witness)]. Revolyutsiya i tserkov', ezhegodnyy zhurnal, izdanie Komissariata yustitsii, 1919, no. 6-8 (iyun'-avgust), p. 50. Available at: http://www.odinblago.ru/revolucia_i_cerkov_6-8/7 (accessed: 27.02.2019).
3. Tsentral'nyy arkhiv FSB. Sledstvennoe delo R-28266 po obvineniyu Remova Nikolaya Fedorovicha (v monastestve Varfolomeya) (6.09.1920—28.02.1921) [Central archive of the FSB. The investigation case of R-28266 on the charge of Nikolai Fyodorovich Remov (in the monk of Bartholomew) (September 6, 1920—February 28, 1921)]. Ll. 1, 4, 4ob, 6, 6ob, 7, 7ob, 33, 34, 37, 37ob, 47.
4. Mel'gunov S.P. Krasnyy terror v Rossii, 1918—1923 [The Red Terror in Russia, 1918—1923]. Moscow, 1990, p. 61.
5. Gubonin M.E., comp. Akty Svyateyshego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneyshie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshey tserkovnoy vlasti, 1917—1943 in 2 parts [The Acts of the Most Holy Patriarch Tikhon and later documents about the succession of higher church authority, 1917—1943]. Moscow, 1994, pp. 164-171.
6. Predlozheniya Narkomata yustitsii o likvidatsii moshchey vo vserossiyskom masshtabe [Suggestions of the People's Commissariat of Justice about the destruction of relics in Russia]. GARF SPb, f. 1000, op. 4, d. 73, l. 84.
7. Postanovlenie SNK RSFSR ot 29 iyulya 1920 g. [Decree of Council of People's Commissars of the RSFSR of July 29, 1920]. GARF SPb, f. 1000, op. 4, d. 73, l. 83.
8. Makarov Yu.N. Vlast', VCHK i Russkaya pravoslavnaya tserkov' v pervye gody sovetskoj vlasti [Power, the Cheka and the Russian Orthodox Church in the early years of Soviet power]. Istoriya i istoriki v kontekste vremeni, 2003, no. 1, pp. 14-17.
9. Poslanie Svyateyshego Tikhona, Patriarkha vseya Rossii [Speech of the Most Holy Tikhon, Patriarch of All Russia]. Zhurnal "Bogoslovskiy Vestnik", izdavaemyy Moskovskoyu Dukhovnoyu Akademiyu. Sergiev Posad, 1918, vol. I, Yanvar'-Fevral', pp. 74-76.
10. Varfolomey (Remov), arkhiepiskop. "My vladeem vseradostnoy taynoy" ["We know a secret"]. Alfa i Omega, 2000, no. 1(23), p. 89.

Balashova E.G. The case of Archimandrite Bartholomew (Remov) of 1920 is the evidence of the support of the clergy of St. Tikhon (to the 100th anniversary of the decree of the separation of Church and state). In the early years of the campaign to open the relics (1919—1920), the authorities sought to arrest Patriarch of Moscow and All Russia Tikhon. One of those arrested in connection with the opening of the relics of St. Sergius of Radonezh was hieromonk Bartholomew (Remov) (future archbishop). During interrogations in September 1920, they tried to get evidence from him against the Most Holy Patriarch, but Father Bartholomew openly declared his loyalty and love to the Primate of the Russian Church. His investigative case in 1920 provides ample material for researchers both to characterize the personality of the arrested person himself, and to understand the historical context as a whole.

Keywords: Russian Orthodox Church, persecution against the Church, the opening of the relics, St. Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, confessor, archbishop Bartholomew (Remov), profession of faith.

Сведения об авторе. Е.Г.Балашова — специалист по экспертно-аккредитационной деятельности Синодального отдела религиозного образования и катехизации, с. pravob@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019.